

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «НАРОДНЫХ РУССКИХ СКАЗОК» А. Н. АФАНАСЬЕВА¹

«Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева — фольклорный памятник «не только национального, но и мирового значения, сыгравший выдающуюся роль в развитии русской культуры и не утративший своей художественной и научной ценности в наше время», — такими словами заканчивают очерк о жизни и научной деятельности А. Н. Афанасьева Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков, подготовившие седьмое издание классического свода русских народных сказок. С момента первой публикации сказок А. Н. Афанасьева (1855—1863 гг.) прошло более 120 лет. Десятки и сотни сборников сказок появились с тех пор, но собрание Афанасьева до сих пор не знает себе равных и по научной значимости, и по объему включенных в него материалов. Нужно надеяться, что когда-нибудь оно послужит основой для создания более совершенной антологии, которая обретет национальное значение. Но и в таком случае историческое значение сборника Афанасьева, несомненно, сохранится как одного из замечательнейших памятников истории русской культуры. На сегодняшний день именно последнее издание сказок А. Н. Афанасьева в большей мере, чем все предыдущие, отвечает современным фольклористическим представлениям об издании критического типа.

Каждая новая публикация афанасьевского собрания сопровождалась какими-то дополнениями и уточнениями. Особенно выгодно в этом отношении отличается первое советское издание², где увидели свет сказки, изъятые в свое время цензурой. В текст собрания из раздела «Дополнения» были внесены лубочные сказки, сохранившиеся в рукописных сборниках XVII и первой половины XVIII столетия, сказочные тексты были впервые сверены с рукописями. Большой заслугой этого издания было и обнаружение 45 номеров сказок из женецкого сборника «Заветные сказки», который по цензурным условиям в России не появился, но широко вошел в обиход международной науки о фольклоре. В состав этого сборника были включены, с одной стороны, «сказки эротические, с другой — сказки, неприемлемые для царской цензуры по соображениям социально-политического характера»³. Последняя группа сказок вошла в пятое издание (1936—1940 гг.) полностью, из первой группы — с некоторыми сокращениями было включено только несколько текстов. В комментариях к пятому и в примечаниях к шестому⁴ изданиям были учтены рукописные источники сказок. Новое, седьмое издание существенно дополнено архивными материалами ВГО: в примечаниях здесь *впервые* публикуется 17 не учтенных ранее сказочных текстов и 12 анекдотов. Значительно увеличено Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым и число текстов, перепечатанных из сборника «Русские заветные сказки»; на основе тщательного исследования внесены дополнения и исправления в тексты. В третьем томе нового издания собраны все предисловия А. Н. Афанасьева к его «Народным русским сказкам» — к первому и чет-

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I—III. М., 1984—1985. С. 511+ +463+495. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. Отв. редакторы Э. В. Померанцева, К. В. Чистов.

² Афанасьев А. Н. Народные русские сказки/Под ред. Азадовского М. К., Андреева Н. П., Соколова Ю. М. Л., 1936. Т. I; 1938—1940. Т. II—III.

³ Там же. Т. I. С. VI.

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т./Подгот. текста, предисл. и примеч. Проппа В. Я. Т. 1—3. М., 1957.

вертому выпуску первого издания, к примечаниям второго выпуска первого издания, а также публикуется заметка Афанасьева о сказке «Еруслан Лазаревич».

Помимо новых по сравнению с предыдущими публикациями материалов, включенных в седьмое издание, составители вносят множество уточняющих и конкретизирующих моментов и в эдичионные принципы и в материалы, связанные с биографией А. Н. Афанасьева.

Новое издание «Народных русских сказок» прекрасно иллюстрировано материалами из фондов Музея народного искусства в Москве, Государственного исторического музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного музея этнографии народов СССР, Музея игрушки в Загорске и т. д. В иллюстрациях представлена резьба по дереву, скопинская керамика, изразцы с изображением птиц и животных, вятские, филимоновские и сергиево-посадские игрушки, народная вышивка (в том числе и последней четверти XV в.), прялки и пряничные доски, рисунки к русским сказкам А. М. Куркина и художников Палехской школы, лубки из собрания Д. Ровинского. Воспроизводятся и лубочные сказки с картинками. Иллюстрации так удачно и с таким вкусом подобраны, так органичны, что, безусловно, должны быть отмечены как одно из достоинств настоящего издания.

«Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, подготовленные Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым, как и два предыдущих издания, снабжены необходимыми указателями — сюжетных типов сказок по «Сравнительному указателю сюжетов», изданному теми же авторами⁵, имен и предметов, а также алфавитным указателем сказок по их названиям. Указатель собирателей отсутствует, очевидно, в силу того, что значительная часть текстов не паспортизирована — прежде всего многие материалы рукописного собрания РГО, которые составляют приблизительно треть общего объема материала сборника А. Н. Афанасьева, значительная часть сказок, переданных А. Н. Афанасьеву В. И. Далем (около 1000 текстов), приблизительно двести из них — опубликованы. И в то же самое время здесь есть записи самого А. Н. Афанасьева, правда, весьма немногочисленные, сделанные им на своей родине в Воронежской губернии (Бобровский уезд) и целого ряда известных и малоизвестных собирателей. Корреспондентами А. Н. Афанасьева были люди разных профессий и разного культурного уровня: это и волостной писарь О. Л. Волконидин и сотрудник РГО Мясоедов, учителя приходского училища Г. Островский и Н. И. Второв, монах Макарий (кстати, член-сотрудник РГО), поэт Н. М. Языков и писатель И. И. Лажечников... Имена, оставившие значительный след в русской культуре, как пользующиеся известностью до сих пор, так и давно забытые.

Указатель собирателей, на наш взгляд, был бы полезен, так как он несомненно показал бы широту вовлеченных в собирательскую деятельность лиц и их состав. Кроме того, он привлек бы внимание исследователей к разному качеству записей, он нацелил бы фольклористов на поиски записей сказок в архивах отдельных собирателей. И наконец, указатель собирателей был бы важен для изучения творчества таких видных деятелей русской культуры, как В. И. Даль, П. И. Якушкин, Н. М. Языков, И. И. Лажечников и др.

Издание полученных А. Н. Афанасьевым сказок сразу было задумано как издание «ученое»⁶, «по образцу издания братьев Grimm», с примечаниями по текстологии и мифологии, с показом аналогий публикуемых сказок с немецкими (по гриммовскому сборнику сказок), со сличением там, где позволяет материал, сказок с народными песнями. Громадное количество текстов сказок, оказавшихся в руках А. Н. Афанасьева, требовало систематизации. Однако Афанасьев не стал дожидаться, пока весь материал будет исчерпан и можно будет приступить к его классификации, а начал издавать сказки выпусками, по мере поступления текстов. Принятый порядок печатания имел лишь одно, но неоспоримое преимущество — он «не давал залежаться сказочным материалам в рукописи»⁷, что было понято должным образом и оценено Ф. И. Буслаевым. Отказ А. Н. Афанасьева в первом издании от определенной системы внутри каждого выпуска

⁵ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Барга Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Отв. ред. Чистов К. В. Л., 1979. В шестом издании, в примечаниях к III тому был дан указатель сюжетов, дополненный ссылками на сказочные варианты, ставшие известными после выхода в свет Указателя Н. П. Андреева.

⁶ Труд А. Н. Афанасьева «является у нас первым сборником народных сказок, принятый сообразно с требованиями науки». См.: *Пытин А. Н.* О русских народных сказках. Статья первая//Отечественные записки. 1855. № 12. Отд. 4. С. 45.

⁷ *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки... 1984. С. 409.

вызвал бурю негодования⁸. Однако только когда весь основной материал был опубликован, А. Н. Афанасьев смог систематизировать его: сначала сказки о животных, потом волшебные, затем новеллистические, сатирические и анекдоты. Казалось бы, была дана незамысловатая и не безупречная классификация сказок. Но тем не менее она «оказала влияние на все дальнейшее исследование сказок и на практику их публикаций. Несмотря на свою недостаточную полноту, эта классификация используется в науке до сих пор»⁹.

Справочный аппарат издания был и остается его неотъемлемой частью. Сравнение комментария к первому советскому изданию сказок А. Н. Афанасьева¹⁰ с комментарием в рецензируемом издании показало, что он в своей основе построен по той же схеме: перечень вариантов по указателям Андреева — Аарне, Аарне — Томпсона, Болте — Поливки и т. д., данные о степени распространенности комментируемого сюжета в мировом фольклоре и в мировой литературе, указаны важнейшие случаи литературной обработки сюжета, дана характеристика каждого конкретного варианта, а там, где необходимо, сведения о цензурных изъятиях и стилистической правке, которой подвергал тексты Афанасьев. Но в то же самое время комментарий рецензируемого издания при сохранении основных моментов прежнего комментария построен более компактно, он удобнее в обращении и имеет существенные дополнения разного рода. В нем отсутствуют преамбулы к группам близких сюжетов, которые подчас искусственно связывали объединенные в ней сказки, игнорировали также такое существенное явление, как сюжетные контаминации. Так, например, сюжеты «Горе» и «Две доли» (№ 303—304) объединялись в изданиях 1936—1940 гг., предлагался единый комментарий. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков выделили их как самостоятельные сказки, отметив при этом, что сюжетная контаминация достаточно часто встречается именно на восточнославянском материале. В Восточной Европе сказка «Две доли» бытует, как правило, совершенно самостоятельно, что характерно также для одноименных сказок многих неславянских народов Советского Союза.

Необходимо отметить в целом очень полный и тщательно выверенный библиографический аппарат, которым снабжены комментарии в последнем издании (широко учтены не только славянские, но и европейские работы по сказке). В ряде случаев там, где есть научно обоснованные данные, указываются истоки сюжета, даются очень ценные сведения о разном происхождении восточнославянских и западноевропейских вариантов, представлены наиболее существенные мировые литературные параллели. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков учитывают также данные о первых европейских публикациях сюжета, о литературных обработках или лубочных переделках сюжета, о былинных вариантах сказки или о книжном влиянии на народную сказку и т. д.

Итак, новый комментарий оказался более гибким. Лишенный искусственных ограничений, он сразу нацеливает читателя на необходимые сведения, касающиеся каждого конкретного варианта. На основе нового восточнославянского «Указателя» оказалось возможным значительно полнее показать и степень распространенности того или иного варианта в мировом фольклоре с точным определением числа опубликованных вариантов, записанных у восточнославянских народов. Большая работа проделана составителями и по уточнению паспортных данных отдельных сюжетов.

Точность публикации фольклорного текста — главный научный принцип, который непременно должен лежать в основе любого фольклорного издания. При переиздании классических сборников неоценимую услугу могут оказать сохранившиеся в архивах рукописи. Впервые сличение печатных текстов сказок афанасьевского собрания с архивными материалами, рукописями и частично сохранившимися корректурами, хранящимися в архиве РГО, было осуществлено М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Ю. М. Соколовым при подготовке издания «Народных русских сказок» 1936—1940 гг. Обращение к первоисточникам существенно скорректировало издававшиеся ранее сказочные тексты: были выявлены случайные пропуски и сознательные изъятия и искажения, показан характер редакторской стилизации, коснувшейся части сказочных текстов.

⁸ Уточненный и дополненный список рецензий на сборник Афанасьева см. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки... 1984. Т. I. С. 413.

⁹ Померанцева Э. В. А. Н. Афанасьев и братья Гримм//Сов. этнография. 1985. № 6. С. 89.

¹⁰ В издании: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки..., 1957 — комментарий минимальный.

Некоторые очевидные искажения подлинного народного текста сказки в ряде случаев были связаны с цензурными запретами. На вынужденные изменения текста, на которые А. Н. Афанасьеву приходилось идти по цензурным соображениям, он неоднократно жаловался в письмах к друзьям. Четыре первых выпуска «Народных русских сказок» обошлись без особой цензурной правки, но пятый и шестой выпуски сильно пострадали. «Только на днях,— писал он 31 октября 1861 г. П. П. Пекарскому,— получил половину рукописи, израненную и обгавленную кровавыми чернилами. Все, что искалечено, я вынужден был выбросить вовсе и затем приступил к печатанию уцелевшего»¹¹. Чрезвычайно важно было выяснить, что и по какой причине было изъято цензурой. В начале 40-х годов XX в. В. И. Чернышев обнаружил экземпляр сказок А. Н. Афанасьева из библиотеки П. А. Ефремова, в котором вместе с текстами опубликованных сказок были подшиты листы сверстанной авторской корректуры, содержащей запрещенные цензурой не только отрывки отдельных текстов, но и целые сказки¹². Результаты исследования В. И. Чернышева нашли отражение уже в издании 1936—1940 гг., где цензурные изъятия были воспроизведены частично в основном корпусе, частично в комментариях. Были сделаны также добавления к двум сказкам и вновь опубликованы три сказочных отрывка. Текстуальное сравнение одной из этих сказок («Марко Богатый») в первоначальной записи (В. Ящерова) с текстом, изданным А. Н. Афанасьевым, показало, что цензурные «очищения» сказки коснулись не только ее стилистики, но и сюжетных ходов — многие эпизоды, если следовать В. И. Чернышеву, отсутствуют вовсе. Из-за утери рукописи в РГО эти моменты теперь уже невозстановимы¹³. Обнаружились также серьезные отступления от подлинной записи, допущенные самим А. Н. Афанасьевым. Находки В. И. Чернышева стали известны, но не нашли, однако, отражения в основном корпусе текстов не только в первом и втором советском изданиях, но, к сожалению, и в рецензируемом издании¹⁴. Считая, что данные изменения, связанные с цензурным вмешательством, должны были бы найти отражение в основном тексте, мы, однако, не можем не признать и определенную обоснованность иной точки зрения — утрата рукописи и неполнота сведений о ней у В. И. Чернышева оставляет спорным вопрос о том, как печатать основной текст.

Но вот другой случай, когда рукопись сказки «Правда и Кривда» сохранилась, и здесь редакторы уже первого советского издания имели, кажется, безоговорочное право восстановить убранный в свое время цензурой социально заостренный эпизод: четыре строки о правде, которой жить трудно, за которую можно и в Сибирь угодить. Впервые об этом писал тот же В. И. Чернышев. Сличение печатного текста с оригиналом (Архив ВГО, р. XIV, оп. 1, № 3, л. 8—13 об.) показало, что опубликованный текст сказки имеет не только пропуски, связанные с вмешательством цензуры, но и целый ряд разночтений. В этом случае вопрос о том, что же следует считать основным текстом, связан был с научной позицией ученых, готовивших издание 1936—1940 гг.¹⁵

В «Дополнениях» к данной сказке В. И. Чернышев воспроизводит текст рукописи, выделяя курсивом пропущенные или измененные части текста. Сравнение приведенного отрывка сказки, выправленного В. И. Чернышевым, с идентичным текстом в рецензируемом издании, тоже сличенного с первоисточником, показало возможность разного прочтения рукописи, выявило определенные расхождения не только в написании слов, но и в появлении или пропуске отдельных слов. Составителям нового издания следовало, вероятно, специально заострить внимание читателя на точности воспроизведения ими рукописного текста, а все, даже самые незначительные отступления специально оговорить. Особого пояснения требуют несовпадения в прочтении рукописного текста с текстом Чернышева. Явная же фонетическая нивелировка текстов в издании 1984 г. является безусловным отступлением от оригинала и вряд ли обоснована. Сказки собрания Афанасьева (особенно те, которые не имеют рукописного источника), очевидно, «могут вполне удовлетворить исследователя, изучающего репертуар определен-

¹¹ Письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому/Публ. Власовой З. И./Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 75.

¹² Чернышев В. И. Цензурные изъятия из «Народных русских сказок» Афанасьева// Советский фольклор. 1935. № 2, 3.

¹³ К моменту подготовки пятого издания сказок А. Н. Афанасьева рукописи в РГО не оказалось, а потому правка текста сказки «Марко Богатый» Чернышевым по подлиннику — это единственный источник, которому мы можем доверять.

¹⁴ Этот отрывок с указанием всех разночтений воспроизводится в комментарии издания 1936—1940 гг. Последнее издание дает ссылку на этот комментарий.

¹⁵ Эдиционные принципы оговорены в заметке от редакции в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. 1936. Т. I. С. V—VIII.

ной местности или же структуру какого-либо сюжета, но эти же записи не подходят для изучения сказочных формул, типических мест, поэтики и т. д.»¹⁶.

О том, что А. Н. Афанасьев вносил существенные изменения в публикуемые тексты, говорили многие специалисты. В. И. Чернышев предупреждал, что к некоторым текстам из сборника Афанасьева следует относиться с осторожностью. То же отмечали в комментариях и редакторы издания 1936—1940 гг. На основании текстологической работы, которая была проделана М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Ю. М. Соколовым. Э. В. Померанцева сделала вывод о том, что именно «стилистическая противоречивость, характерная для собрания А. Н. Афанасьева», лишний раз доказывает, как бережно Афанасьев обращался с текстом публикуемых сказок. Стилизации подвергались лишь те тексты, которые «производили впечатление чересчур литературных», Афанасьев «очищал их от деепричастных и причастных оборотов, не свойственных народному языку, от слишком книжных выражений»¹⁷. И все же повторное обращение к рукописям сказок Афанасьева Н. В. Новикова и Л. Г. Барага выявило значительно более глубокие расхождения печатного текста с оригиналом. Были отмечены весьма серьезные стилистические изменения, совсем не учтенные в предыдущих изданиях (например, II, № 218, с. 413) или дополнившие прежние сведения (I, № 39, с. 447) и др.

Как показали исследования, цензурное вмешательство было не столь уж ощутимым, и оно нанесло меньший вред первоначальному тексту (хотя бы потому, что оказалось легче восстанавливаемым), чем вмешательство в текст редактора, во многих случаях стилизовавшего текст¹⁸. Вместе с тем нужно отдать должное Афанасьеву. Для своего времени он стоял на куда более прогрессивных позициях в понимании значения подлинности текста сказки в народной записи, чем его современники, в том числе и братья Гримм. Высоко ценя мнение Пыпина¹⁹, Афанасьев тем не менее не принял его советы сводить варианты в единый составной текст²⁰. Последовательное соблюдение принципа бережного отношения к классическому собранию заключается, по-видимому, или в абсолютно точном переиздании текста 1873 г., когда никакие привнесения в текст или изъятия недопустимы, или же за основу берется рукописный текст (там, где есть первоисточник), он и рассматривается как основной, а все отступления от подлинника оговариваются в примечаниях. В издании 1936—1940 гг. при всей грандиозности и значимости проделанной работы (в еще большей степени это относится к рецензируемому изданию) все же единство и чистота принципа подачи текста не сохранены полностью. Так, в основном корпусе тексты сказок публикуются по изданию 1873 г., а сказки из сборника «Заветные сказки» даются по подлинной рукописи. Далее, целый ряд законченных текстов, которые Афанасьев вносил в подстрочные примечания как варианты, были перенесены редакторами первого советского издания в основной текст, а в примечаниях остались лишь отрывки. Неопубликованный материал, который по какой-то неустановленной причине не попал в основное собрание Афанасьева, тоже был включен в основной корпус текстов. Совершенно были изъят из издания устаревшие в научном отношении примечания А. Н. Афанасьева к текстам, в которых он стремился раскрыть мифологическое содержание сказок. Цензурные изъятия частично были восстановлены в основном тексте, частично же остались в комментариях и т. д.

Нужно сказать, что все включения и выключения, сделанные в основном тексте, были, как правило, по-своему оправданы, логичны и справедливы, все они имели свое научное объяснение, но тем не менее не до конца выдержаны, а подчас и произвольны. Устаревшие мифологические примечания Афанасьева, например, исключались как не отвечающие уровню современной науки, но устаревший принцип подачи текста оста-

¹⁶ Иванова Т. Г. Фольклор в изданиях последних лет // Русская литература. 1985. № 2. С. 219.

¹⁷ Померанцева Э. В. Указ. раб. С. 89.

¹⁸ Возможно, исправления в тексте вносились Афанасьевым дополнительно и не без влияния требований Пыпина, утверждавшего, что «нет нужды соблюдать народное произношение до мелочей, как делает г. Афанасьев». См.: Пыпин А. Н. О русских народных сказках..., С. 50.

¹⁹ «По поводу издания моего „Сказок“ я уже довольно начитался разных статей, основанных на совершенном незнакомстве с этими вопросами и трудами немецких ученых. Можно и должно исключить только статьи Пыпина, действительно прекрасные и дельные». См.: Из писем А. Н. Афанасьева к М. Ф. Де-Пуле/Публ. Эльзона М. Д. // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 87.

²⁰ «Пример лучших современных исследований народной словесности,— писал Пыпин,— показывает, что единственное средство составить верный текст народного произведения — собрать как можно более его списков». См.: Пыпин А. Н. Там же. С. 50—51.

вался прежним. От издания к изданию сохранялась инерция подачи текста, сплошь и рядом критикуемого и воспроизведенного во всех формах его отступлений от оригинала в примечаниях. Этот принцип, в основе которого лежит публикация всех текстов по изданию 1873 г., последователен лишь с одной стороны — все включенные в основное собрание Афанасьева сказочные тексты вклинены в значительной степени нивелированы, что делает издание стилизованно выдержанным. Кроме того, именно в таком виде они вошли в историю русской культуры. На самом же деле это противоречит характеру составляющих сказочный свод материалов: не могут звучать однотипно сказки, записанные со слов самыми разными собирателями, с разными принципами подходившими к записи текста, а также тексты, имеющие книжный или лубочный источник, взятые из рукописи XVII в., и т. д. Сказки же, имеющие рукописный источник, непременно должны быть восстановлены как подлинно научные записи. Даже с технической точки зрения помещение разночтений печатного текста и рукописи в примечаниях часто невыгодно, так как они иногда превосходят в несколько раз основной текст. Есть случаи, когда «ввиду изобилия стилистических изменений, внесенных Афанасьевым в текст, последний воспроизводится *полностью* по рукописи в комментариях» (I, 1936, № 57, с. 542—543). Сличение с первоисточником показало, что отступления от подлинника касаются не только стилистики, но и серьезных смысловых моментов. Например, в сказке «Три копейки» (II, 1984, № 217) Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым отмечены в комментарии случаи произвольного изложения больших кусков текста, вплоть до придуманной Афанасьевым заключительной формулы, которой нет в рукописи. Если измененные цензурой строки исправляются в основном тексте, то почему же столь значительные смысловые изменения, искажающие народную запись, находят свое отражение только в комментарии, а не в корпусе тома?

Сличение печатного текста и рукописей позволило выяснить неизвестные ранее обстоятельства, связанные с работой А. Н. Афанасьева как издателя. Это касается очень многих текстов (см., например, комментарии к № 131, 186, 217 и др. в издании 1984—1985 гг.).

Далее, последовательная, целенаправленная сверка печатных текстов с рукописными позволила Л. Г. Барагу и Н. В. Новикову опровергнуть ранее существовавшее мнение о сознательном ослаблении А. Н. Афанасьевым «социальных мотивов в процессе правки отдельных записей сказок» (I, 1984, с. 434, речь идет о № 28, 107, 274 и др.).

К сожалению, составители не использовали всех возможностей для атрибутирования записей с пометами «очевидно», «вероятно» и др. (Афанасьев, Якушкин и др.). Так, после выхода в свет «Собрания народных песен П. В. Киреевского (Записи П. И. Якушкина)»²¹ оказалась возможна документированная атрибуция сказок, переданных Афанасьеву Якушкиным. В комментарии Л. Г. Барага и Н. В. Новикова, так же как и в предыдущих советских изданиях, указано, что сказка «Доброе слово» записана в Раненбургском уезде Рязанской губернии П. И. Якушкиным. Рукопись сказки Якушкина была долгое время неизвестна и лишь сравнительно недавно обнаружена З. И. Власовой (ГБЛ, ф. 125, л. 1084, 1092). Этот первоисточник и должен был бы рассматриваться как основной, тем более, что текст в рукописи существенно расходится с афанасьевским. Вот пример начала сказки в рукописи Якушкина: «Жил купец богатый, умер. Остав(ил) сына. Тот пропил все, осталось одно платье. Ходит он по торгу, собой-ту видной... На ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками»²². Тот же отрывок сказки в издании 1985 г.: «Жил-был купец богатый, умер, оставался у него сын Иван Бессчастный; пропил он, промотал все богатство и пошел искать работы. Ходит он по торгу, собой-то видный; на ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками»²³.

Таким образом, составители не воспользовались открывшейся возможностью уточнения текста.

Уже после выхода в свет рецензируемого издания сказок Афанасьева был дополнительно атрибутирован еще один текст — и снова в записи П. И. Якушкина. На основании опубликованного З. И. Власовой материала Т. Г. Иванова сличила якушкинский

²¹ Собрание народных песен П. И. Киреевского (Записи П. И. Якушкина)/Подгот. текстов, вступит. статья и коммент. Власовой З. И. Т. 1. Л., 1983.

²² Там же. С. 279. № 8.

²³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 3. 1985. С. 24. № 332.

текст (№ 473) с вариантом в сборнике Афанасьева (№ 220). Это сравнение показало, с одной стороны, безусловное единство этих текстов, а с другой — их серьезные расхождения в отдельных фрагментах: введение А. Н. Афанасьевым отсутствующих в подлиннике диалогов, свободный пересказ, замена слов и выражений и т. д.

Громдная и плодотворная текстологическая работа, проделанная В. И. Чернышевым, М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым, Ю. М. Соколовым, Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым по разысканию источников и атрибуции многих сказочных текстов собрания Афанасьева, продолжается. Она, по-видимому, не сулит уже больших архивных открытий, но обращение к архивам отдельных собирателей, возможно, со временем выявит новые первоисточники сказок, вошедших в собрание А. Н. Афанасьева, занимающего одно из первых мест среди художественного наследия старой классической фольклористики.

В. И. Еремина

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Х. Ловмянский. *Русь и норманны*. Пер. с польского/Под ред. Пашуто В. Т., Янина В. Л., Мельниковой Е. А. М.: Прогресс, 1985. 304 с.

Книга известного польского медиевиста академика Х. Ловмянского, с переводом которой ныне получили возможность ознакомиться советские читатели, вышла на языке оригинала в 1957 г. За прошедшие три десятилетия изучение рассматриваемых в ней проблем не стояло на месте. Не все положения автора сохранили свое значение до сегодняшнего дня, но, по выражению самого Х. Ловмянского, приведенному в предисловии В. Т. Пашуто, гипотеза, даже опровергнутая, как солдат, павший в бою за правое дело, «гибнет не напрасно, служа выяснению научной истины» (с. 11). Основные выводы рецензируемого труда выдержали проверку временем.

Работа Х. Ловмянского — первое в зарубежной медиевистике комплексное исследование, освещающее с марксистских позиций проблему генезиса славянских государств. Оно основывается на анализе лингвистических, этнографических, археологических и письменных источников с привлечением сравнительно-исторических данных по античности, германским народам и народам Прибалтики.

Ценность работы польского историка заключается прежде всего в том, что он одним из первых в зарубежной медиевистике подчеркнул решающую роль внутренних социально-экономических факторов в генезисе славянских государств, в частности Польского и Древнерусского.

На примере образования Польского государства Х. Ловмянский убедительно опровергает созданные реакционной немецкой историографией тенденциозные легенды о норманнах как решающей силе в этом процессе. Он показывает, что ни письменные источники, ни археологические данные не свидетельствуют о сколько-нибудь значительном присутствии норманнского элемента на территории Полонии в составе польского господствующего класса в раннем средневековье. Главное же место в книге занимает полемика с концепцией норманнского завоевания восточных славян.

Х. Ловмянский одним из первых среди антинорманнистов выдвинул тезис об ассимиляции норманнов на Руси славянами. В качестве доказательства «далеко зашедшей ассимиляции пришлого скандинавского элемента в русской среде» (с. 108) он приводит археологические находки захоронений в Гнездове, Ярославском Поволжье, Киеве и Чернигове, в разной степени содержащих следы скандинавского влияния. Как подчеркивается в примечаниях к основному тексту книги, составленных В. Я. Петрухиным при участии Е. А. Мельниковой, новейшие исследования показали, что связываемые с великокняжескими дружинниками камерные гробницы «типологически и генетически... близки к скандинавским, но имеют отличия в конструкции... что свидетельствует о самостоятельном развитии этого обряда на Руси и об ассимиляции варягов» (с. 262). Отметим также, что исследования советскими археологами Гнездовских дружинных курганов показали, что во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладье из этнического (присущего норманнам) превращается в социальный, характерный для дружинной знати, вне зависимости от ее племенного происхождения, и исчезает к концу X в. Это также свидетельствует о постепенной ассимиляции варягов¹. Норманны на Руси, по мнению автора, выступали в процессе государствообразования в качестве внутреннего, и притом не главного фактора, при преобладающем этнокультурном воздействии восточнославянской среды. Как показывает Х. Ловмянский, варяги, оставшиеся на Руси на протяжении нескольких поколений, вливались в состав древнерусского правящего класса (см. гл. VI — «Скандинавы в составе господствующего класса на Руси»). Они активно осваивали язык восточных славян, что подтверждается исполь-

¹ См. Булкин В. А. Большие курганы Гнездовского могильника//Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. XX. С. 143—145.